

Конвалидация недействительных сделок и принцип эстоппель

Т. Н. Бурибаев

студент 4-го курса факультета экономики и права РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: timbur99@gmail.com

А. А. Гачина

студент 4-го курса факультета экономики и права РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: arina.gachinaa@gmail.com

Contracts-Recovery and the Estoppel Principle

T. N. Buribaev

4th Year Student of the Faculty of Economics and Law of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: timbur99@gmail.com

A. A. Gachina

4th Year Student of the Faculty of Economics and Law of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: arina.gachinaa@gmail.com

Аннотация

Проблема определения правовой природы недействительных сделок, а также последствий признания их таковыми была и остается актуальной. Общеизвестно, что, устанавливая конкретные основания недействительности сделок, законодатель руководствуется актуальными политико-правовыми идеями о нежелательности или недопустимости совершения определенных сделок. При этом очевидно, что институт недействительности сделок не является абсолютным благом, а при его применении в отрыве от основополагающих принципов частного права неизбежна стагнация в сфере развития последнего. Данная статья посвящена правовому явлению фактического исцеления судами порочных сделок. Авторы рассмотрели особенности генезиса института конвалидации недействительных сделок в российском праве, проанализировали необходимые условия для блокирования судом ссылки на недействительность, а также оценили целесообразность исцеления некоторых ничтожных сделок. В результате проведенной работы делается вывод о том, что дальнейшее развитие института запрета противоречивого поведения в системной взаимосвязи с нормами, предусматривающими возможность конвалидации недействительных сделок, позволит предотвратить случаи неоправданного применения рассматриваемого механизма.

Ключевые слова: venire contra factum propter, злоупотребление правом, ничтожные сделки, оспоримые сделки, недобросовестность, незаключенные сделки, блокирование права, теория видимости права, существенные условия договора, форма сделки.

Abstract

The problem of determining the legal nature of void transactions, as well as the consequences of recognizing them as such remains relevant. It is well known that while establishing specific grounds for the transactions invalidity, the legislator is guided by current political and legal ideas about the undesirability or inadmissibility of certain transactions. At the same time, it is obvious that the institution of transactions invalidity is not an absolute good, and if it is applied in isolation from the fundamental principles of private law, stagnation in the development

of the latter is inevitable. This article is devoted to the legal phenomenon of actual cure of void transactions by court. The authors considered genesis peculiarities of the contracts-recovery institution in Russian law, analyzed the necessary conditions allowing the court to block references to invalidity, and also assessed the feasibility of recovering some void transactions. As a result of the research, it is concluded that the further development of the institution of the prohibition of inconsistent behavior in conjunction with the norms providing for the possibility of convalidation of void transactions will prevent cases of unjustified use of the considered mechanism.

Keywords: venire contra factum proprium, abuse of law, void transactions, voidable transactions, malpractice, unfinished transactions, contract-recovery, blocking of rights, visibility of law theory, essential terms of the contract, form of transaction.

Наличие в судебной практике дел, в которых одна из сторон заявляет о ничтожности или требует признания сделки недействительной, преследуя при этом цели обогатиться или нанести ущерб своему контрагенту, а суд удовлетворяет соответствующие требования, свидетельствует о существовании серьезной проблемы в регулировании механизмов лишения сделок их правовой силы. Так, случаи злоупотребления правом, связанные с признанием договоров недействительными, актуализируют проблематику применения норм законодательства, предусматривающих возможность исцеления порочных сделок.

Интересным представляется тот факт, что в современном российском праве доктрина конвалидации недействительных сделок не получила достойного развития, но вместе с тем она была объектом исследований как дореволюционных правоведов, так и юристов советского периода.

Наиболее нестандартный подход к пониманию правовой природы исцеления недействительных сделок предложил дореволюционный ученый-правовед Д. И. Мейер, который утверждал, что ничтожная сделка не может быть исцелена, но вместо нее может быть заключена новая (подтверждающая) сделка на тех же условиях. Так, по мнению автора создается лишь внешняя видимость исцеления ничтожной сделки [5. – С. 236].

Е. В. Васьковский придерживался противоположной позиции о возможности конвалидации ничтожных сделок, при этом не отрицал возможности исцеления (признания) оспоримых сделок: «Последующее признание может придать юридическую силу только такой сделке, которая существует, но может быть оспорена или опровергнута»¹.

Г. Ф. Шершеневич писал о возможности исцеления сделок ввиду истечения сроков иско-

вой давности, разделяя при этом позицию о невозможности конвалидации ничтожных сделок².

Видно, что в дореволюционной отечественной доктрине преобладала идея о невозможности конвалидации ничтожных сделок. Тем удивительнее представляется позиция Сената по поводу сделок, совершенных несовершеннолетними в отсутствие согласия попечителей. Такие сделки в итоге могли быть исцелены при условии признания таких сделок несовершеннолетними совершившими их (по достижению совершеннолетия) [1. – С. 526].

Рассматривая советский период развития исследуемого института, следует отметить, что Гражданский кодекс РСФСР 1922 г., в отличие от Проекта Гражданского Уложения, не содержал правила об исцелении недействительных сделок³ [4]. Однако Гражданский кодекс РСФСР 1964 г. закрепил соответствующую норму в статье 47, согласно которой решение суда может исцелить сделку, исполненную полностью или частично в отсутствие нотариального удостоверения (когда таковое обязательно) при соответствующем заявлении стороны, исполнившей такую сделку.

Оценивая особенности генезиса института конвалидации сделок с точки зрения современного юриста, можно заключить, что исследуемый инструмент появился в правовых порядках многих государств в ответ на объективную потребность в регулировании некоторых правоотношений, хотя формально и являющихся порочными в силу различных обстоятельств, но при этом обладающих определенной ценностью как для сторон сделки, так и для всего государства.

² См.: Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права : в 2 т. – Т. 1. – М. : Статут, 2005. – С. 347.

³ См.: Статья 97: сделки, действительность коих может быть оспорена по основаниям, указанным в статьях 60–64, а равно сделки, недействительные лишь в отношении определенного лица, могут быть подтверждены лицом, которое вправе было их оспорить.

¹ Васьковский Е. В. Учебник гражданского права. – Вып. 1: Введение и общая часть. – СПб. : Издание Н. К. Мартынов, 1894. – С. 137.

Вместе с тем отечественные правоведы разделились во мнении о необходимости внедрения в судебную практику института конвалидации сделок. Основным фактором, породившим данную дихотомию, является серьезное противоречие между традиционной теорией о сделках и самой возможностью исцеления недействительных сделок. При этом многими авторами не учитывается, что последняя может восполнить существенные пробелы (порождающие несправедливость) классической теории о сделках.

За последние годы институт недействительности сделок претерпел серьезные изменения. Так, устоявшаяся парадигма «недействительная сделка не влечет юридических последствий» значительно пошатнулась, ввиду изменения традиционной модели доктрины злоупотребления правом, а также увеличения значимости фактора добросовестности сторон договорных отношений при разрешении различных споров¹.

Возможно ли удовлетворить требования, основанные на недействительной сделке? Поставленный вопрос можно усложнить, если представить, что стороны (или хотя бы одна из сторон) осознают порочность сделки, однако не заявляют об этом открыто, продолжая исполнять соответствующий договор, как будто если бы он был действительным. До недавнего времени отечественная судебная практика по большинству таких дел отказывала в удовлетворении подобных требований. Ситуация начала меняться с закреплением в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) правила о недобросовестности заявления о недействительности сделки стороной, чье предыдущее поведение создало у контрагента обоснованное доверие к действительности сделки (п. 5 ст. 166 ГК РФ), а также нормы, запрещающей оспаривать сделку по основанию, о котором соответствующая сторона знала или должна была знать (абзац 4 п. 2 ст. 166 ГК РФ).

Важно отметить, что отечественный законодатель, закрепляя подобные правила, прямо не называет принцип, который лежит в их основе. В правовых системах континентального права его

часто именуют как *venire contra factum proprium* (никто не может противоречить собственному предыдущему поведению), а в традиции англосаксонской правовой семьи принято называть данный принцип эстоппелем. Российская доктрина восприняла второе наименование и сегодня понятие «принцип эстоппель» уже не является чем-то неординарным. Данному принципу посвящено множество научных трудов отечественных цивилистов [4; 6; 7]. Понятие «эстоппель» также встречается в судебных решениях для обозначения запрета противоречивого поведения, например, в Постановлении Президиума Суда по интеллектуальным правам от 21 ноября 2019 г. по делу № СИП-326/2019, Постановлении Арбитражного Суда Волго-Вятского округа от 10 октября 2019 г. № Ф01-4937/2019 по делу № А79-4002/2019). Необходимо отметить, что в данной работе авторы не отождествляют исследуемый принцип с английской доктриной *romissory estoppel*, а понятие «эстоппель» будет употребляться в качестве обозначения частного проявления принципа добросовестности и запрета злоупотребления правом [2. – С. 189].

Как справедливо отмечается в Постановлении Третьего Арбитражного апелляционного суда от 2 марта 2017 г. по делу № А33-15169/2016, касающегося значимости принципа «эстоппель»: «...главная задача принципа эстоппель состоит в том, чтобы воспрепятствовать стороне получить преимущества и выгоду, как следствие своей непоследовательности в поведении в ущерб другой стороне, которая добросовестным образом положила на определенную юридическую ситуацию, созданную первой стороной».

Для дальнейшего анализа института конвалидации сделок необходимо исследовать его системную связь с правилом о запрете противоречивого поведения. Изначально сама идея о необходимости имплементации исследуемого механизма в российский правовой порядок была закреплена в пункте 5.1.4. Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации от 7 октября 2009 г.² Концепция называет два основных подхода к решению вопроса о со-

¹ См.: пункт 2 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 ноября 2008 г. № 127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2009. – № 2.

² См: Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2009. – № 11.

хранении юридической силы недействительных сделок: одобрение оспоримых и конвалидация ничтожных сделок.

Правовая природа исследуемого института заключается в создании специального механизма по исцелению недействительных сделок путем признания за ними наличия юридической силы с момента их совершения (*ex tunc*) [9. – С. 140]. Причем в контексте конвалидации принято говорить именно о придании юридической силы ничтожным сделкам, а не оспоримым. Объясняется это тем, что оспоримые сделки действительны с самого момента их совершения, а процесс их исцеления, как будет рассмотрено далее, заключается в блокировании права недобросовестной стороны на оспаривание. Отметим, что в рамках данной работы понятия «конвалидация» и «исцеление» взаимозаменяемы.

Доктрина исцеления недействительных сделок основывается на двух столпах частного права: принципе добросовестности и теории видимости права. Последняя гласит, что внешняя видимость правового явления (сделки) порождает соответствующие правовые последствия. Такая ситуация сохраняется до момента появления иного видимо-го факта, доказывающего обратное [11. – С. 275].

Верховный Суд Российской Федерации (далее – ВС РФ) следующим образом характеризует механизм исцеления сделок: «Если будет установлено недобросовестное поведение одной из сторон, суд в зависимости от обстоятельств дела и с учетом характера и последствий такого поведения отказывает в защите принадлежащего ей права полностью или частично, а также применяет иные меры, обеспечивающие защиту интересов добросовестной стороны или третьих лиц от недобросовестного поведения другой стороны (п. 2 ст. 10 ГК РФ), например... указывает, что заявление такой стороны о недействительности сделки не имеет правового значения (п. 5 ст. 166 ГК РФ)»¹. Идея о сущности иных мер, обеспечивающих защиту интересов добросовестного субъекта в последующем, получила более точное определение и была отражена, например, в

Определении ВС РФ от 20 июля 2015 г. № 307-ЭС15-1642 по делу № А21-10221/2013².

Высшая судебная инстанция в качестве основного последствия применения судами пункта 5 статьи 166 ГК РФ видит именно конвалидацию сделок. Суд прямо не употребляет данное понятие, однако отражает его правовую природу, как «правила о недопустимости освобождения от исполнения договорных обязательств». Важно отметить, что абзац 4 пункта 1 указанного постановления ВС РФ закрепляет право судов конвалидировать сделки (блокировать ссылки об их недействительности) самостоятельно, без соответствующего заявления сторон.

Таким образом, инструмент конвалидации сделок, закрепленный в пункте 5 статьи 166 ГК РФ, предоставляет суду возможность заблокировать заявление недобросовестной стороны о ничтожности соответствующей сделки, при том условии, что такая сторона предыдущим своим поведением дала основания другим лицам полагаться на действительность сделки. Несмотря на то что данная норма не раз подвергалась критике в юридическом сообществе [8. – С. 409–411], некоторые правове-ды все же подтверждают плодотворность подхода по применению судами пункта 5 статьи 166 ГК РФ к некоторым ничтожным сделкам, в которых добросовестность положившейся стороны заслуживает защиты [10. – С. 65].

Авторы статьи также разделяют опасения, связанные с угрозой для стабильности оборота, вызванной поверхностным пониманием судами механизма, предусмотренного пунктом 5 статьи 166 ГК РФ. Действительно, на сегодняшний день ситуация такова, что суды склонны применять эстоппель практически ко всем (по крайней мере, наиболее распространенным) составам недействительности сделок. Противоречие нормативно-правовому акту (ст. 168 ГК РФ)³, мнимость и притворность (ст. 170 ГК РФ)⁴, отсутствие согла-

¹ См.: пункт 1 Постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 2015. – № 140.

² См.: Обзор судебной практики по спорам, связанным с договорами перевозки груза и транспортной экспедиции. Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 20 декабря 2017 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2018. № 10.

³ См.: Постановление Пятнадцатого Арбитражного апелляционного суда от 14 сентября 2018 г. № 15АП-13683/2018 по делу № А32-5609/2018.

⁴ См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 5 ноября 2019 г. № Ф05-18870/2019 по делу № А40-290932/2018.

сия третьего лица (173.1 ГК РФ)¹, сделка, совершенная под влиянием заблуждения (ст. 178 ГК РФ)², обмана (ст. 179 ГК РФ)³.

Некоторые решения свидетельствуют о существовании проблемы разграничения сферы действия двух механизмов: конвализации недействительных сделок по пункту 5 статьи 166 ГК РФ и подтверждения оспоримых сделок по абзацу 4 пункта 2 статьи 166 ГК РФ⁴.

Следовательно, применение инструмента исцеления недействительных сделок в отсутствие обоснованной судебной практики и развитой доктрины обуславливает вероятность конвализации судами сделок, противных закону, ничтожность которых обосновывается политико-правовыми воззрениями законодателя.

Другой проблемой является косвенное поощрение неосмотрительности субъектов оборота (как минимум предпринимателей). Общеизвестно, что закон предъявляет более высокие требования к предпринимателям, чем к обычным участникам оборота – физическим лицам. Представляется, что защита доверия предпринимателя (путем конвализации сделки), который должен знать о требованиях закона, например, к письменной форме сделки, будет необоснованной.

Обозначенные проблемы возможно будет решить, если принять, что в основе исследуемых норм (ст. 166 ГК РФ) в действительности лежит эстоппель (как проявление принципа добросовестности). Известно, что для применения эстоппеля суду необходимо констатировать наличие специальных факторов, отсутствие которых, по общему правилу, блокирует возможность исцеления порочной сделки [2. – С. 188–189]. Тогда, следуя данной формуле, удастся избежать случаев неоправданной защиты доверившейся стороны путем исцеления сделок.

¹ См.: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 2019 г. № 306-ЭС19-6364 по делу № А55-33763/2017. – URL: www.vsrp.ru

² См.: Постановление Первого Арбитражного апелляционного суда от 23 июля 2019 г. № 01АП-5513/2019 по делу № А38-294/2018.

³ См.: Постановление Тринадцатого Арбитражного апелляционного суда от 29 октября 2019 г. № 13АП-28367/2019 по делу № А56-33498/2019.

⁴ См.: Постановления Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 6 апреля 2018 г. № Ф01-846/2018 по делу № А28-1188/2017; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 11 декабря 2017 г. по делу № А65-28316/2016 и др.).

При этом очевидно, что в условиях рыночных отношений каждый участник вполне может преступить собственное слово в корыстных целях. Поэтому возможны ситуации, когда доверие стороны-предпринимателя в полной мере не заслуживает защиты, однако действия недобросовестной стороны столь противны целям законодателя, что не остается никаких сомнений в необходимости защиты пострадавшей стороны. Несколько таких случаев еще будут рассмотрены подробнее, однако отметим, что справедливое разрешение подобных дел возможно при принятии судами не только уже названной системы факторов, но и возможности ее применения в более гибком формате.

Из этого следует, что доктрине, а в последующем правоприменителю, необходимо выработать обоснованный подход к применению конкретных норм-эстоппелей. Приоритетной задачей при достижении поставленной цели должно стать отграничение сферы действия правила о подтверждении оспоримых сделок (абзац 4 п. 2 ст. 166 ГК РФ) и конвализации ничтожных сделок (п. 5 ст. 166 ГК РФ), а также решение вопроса о выделении конкретных составов ничтожности, к которым может применяться пункт 5 статьи 166 ГК РФ. Мы сосредоточимся на последнем вопросе, уделяя особое внимание возможности исцеления ничтожных сделок с пороком формы.

Перед исследованием сложившейся практики российских судов по конвализации недействительных сделок приведем краткий анализ подходов к решению обозначенной проблемы в английском праве, где и зародился принцип «эстоппель».

Английское право, равно как и российское, не содержит императивного правила об обязательной письменной форме абсолютно всех видов договоров под страхом их ничтожности [12. – С. 13]. При этом английское право содержит аналогичные правила об обязательности письменной формы сделок, связанных с отчуждением прав на землю⁵. Согласно другому правилу, такой вид обеспечения, как гарантия, не вступает в силу до подписания меморандума самим гарантом или его представителем⁶. Таким образом,

⁵ См.: Law of Property (Miscellaneous Provisions) Act 1989, section 2. The form is a condition of the formation of the contract. – URL: <https://www.legislation.gov.uk>

⁶ См.: Statute of Frauds 1677, section 4. The form is a condition of enforceability, not of formation. – URL: <https://www.legislation.gov.uk>

вполне ожидаемо, что рано или поздно английский правопорядок должен был столкнуться с проблемой, связанной с недобросовестной ссылкой на недействительность сделки.

В данном контексте интересным к рассмотрению представляется дело *Shah v Shah QB 35* о нарушении требований закона к порядку заключения сделки¹. Истец по совету родственников инвестировал в кенийский банк 1,5 млн фунтов стерлингов, так как родственники, занимая позиции в исполнительном органе банка, заверили его в выплате внушительных процентов на внесенную сумму через короткий промежуток времени. В последующем банк был передан под управление кенийским властям, а транзакции о переводе денежных средств уже не было в архивных данных. Истец ссылался на то, что переданная сумма являлась ссудой, а ответчики обязаны были лично выплатить ему деньги, в свою очередь ответчики ссылались на недействительность спорного договора, ввиду того, что подпись свидетеля (*attesting witness*) не была поставлена в их присутствии, как того требует закон. Суд расценил данную ссылку недопустимой, а требование закона к засвидетельствованию подписей не столь важным, чтобы возможно было признать спорный договор недействительным и не удовлетворить требования истца.

В другом деле палата лордов рассмотрела вопрос о том, можно ли применить эстоппель для защиты доверившейся стороны, которая пострадала от несоблюдения письменной формы договора поручительства. Несмотря на то что финальное решение Палаты содержит утверждение об отсутствии оснований для применения эстоппеля в сложившейся ситуации, некоторые судьи предположили, что все же эстоппель мог быть основанием для защиты доверившегося лица в конкретном случае².

Применяя эстоппель к порочным сделкам, английские суды исследуют не только фактические обстоятельства конкретного дела, но и политико-правовые идеи, стоящие за каждой нормой-предписанием, нарушение которых и ставит действительность сделок под вопрос [12. – С. 15].

¹ См.: *Shah v Shah & Anor*, 2001. English and Wales Court of Appeal (Civil Division). – URL: <https://www.casemine.com>

² См.: *Actionstrength Ltd v International Glass Engineering In.Gl.En. SpA & Ors*, 2003. United Kingdom House of Lords. – URL: <https://www.casemine.com/>

Такой подход, безусловно, является наиболее желательным. Несмотря на то что история развития института запрета противоречивого поведения в английском праве насчитывает несколько сотен лет и обуславливает существование закрепленных в доктрине и практике правил его применения, английские суды не склонны к формальному применению данного института. Однако это позволяет такому комплексному институту развиваться, подстраиваясь под современные реалии оборота.

В свою очередь российские суды уже достигли некоторого понимания того, что поведение лиц, ссылающихся на ничтожность договора ввиду несоблюдения письменной формы, при этом совершивших действия по исполнению оспариваемого договора, крайне недобросовестно. Примером являются определение ВС РФ от 19 июня 2019 г. № 308-ЭС19-8475 по делу № А32-688/2017, апелляционное определение Челябинского областного суда от 24 апреля 2018 г. по делу № 11-5767/2018. Аналогичные споры связаны со ссылками на недействительность, ввиду фальсификации подписи: Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее – ВАС РФ) от 13 декабря 2011 г. № 10473/11; Постановление Девятого Арбитражного апелляционного суда от 4 июня 2015 г. № 09АП-10776/2015 по делу № А40-192798/14. Важно отметить, что, если исполнявшая договор сторона, пытается отрицать подлинность подписи в соответствующем договоре, суду следует всесторонне исследовать имеющиеся доказательства, чтобы определить степень добросовестности и последовательности поведения обеих сторон. Очевидно, что, установив оправданность доверия доверившейся стороны (так как невозможно в момент подписания договора установить подлинность подписи), а также такие факторы, как вменяемость возникновения такого доверия недобросовестной стороной и фактор ущерба, суд применяя эстоппель (п. 5 ст. 166 ГК РФ), блокирует ссылку на ничтожность.

Примером таких ситуаций могут стать кредитные правоотношения, в которых должник отрицает подлинность своей подписи, но при этом после заключения спорного договора пользовался заемными денежными средствами, создавая своим поведением уверенность кредитора в том, что договор действительный. Так, в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации (далее – КГД ВС РФ) от 10 октября 2017 г. № 38-КГ17-9

суд, отменяя решения нижестоящих инстанций, ссылается на возможность соблюдения письменной формы кредитного иными способами, помимо составления единого документа, подписанного сторонами¹. Так, по мнению суда, из других документов (заявление клиента о выдаче денежных средств и т. д.) видно волеизъявление заемщика получить от банка определенную денежную сумму на оговоренных условиях (п. 3 ст. 438 ГК РФ). В противном случае признание договора недействительным и применение реституции были бы крайне несправедливыми в отношении кредитора.

При этом, учитывая сохраняющуюся дихотомию подходов по применению принципа «эстоппель» и более консервативного института сделки, следует все же отметить, что некоторые дела, связанные с конвалитацией ничтожных сделок, могут быть решены при применении общих правил о договорах и сделках. В приведенном Определении КГД ВС РФ от 10 октября 2017 г. № 38-КГ17-9 суд не ссылается ни на эстоппель, ни на институт добросовестности, что представляется вполне разумным, так как в отсутствие сомнений существования сделки ссылка на эстоппель избыточна. В подобных делах суды усматривают волеизъявление контрагента на заключение договора в его конклюдентных действиях (которые могут быть подтверждены платежными поручениями, актами приема-передачи и др.).

Такой подход возможен с одной существенной оговоркой – закон не должен предусматривать для конкретного вида договора составление единого документа, подписанного сторонами (например, ст. 550, 560, 860.2, 940 ГК РФ). Так, если закон требует составления одного документа, подписанного сторонами, и стороны действуют в нарушение данного требования, суд (при констатации необходимых факторов) может применить эстоппель и заблокировать ссылку на недействительность. Таким образом, именно эстоппель становится тем необходимым инструментом восстановления справедливости, к применению которого прибегают суды, когда более консервативные методы и подходы не позволяют достичь желаемого результата.

Интересными для исследования представляются ситуации, в которых порок формы сделки не влечет ничтожность, а является основанием для применения конструкции, закрепленной в пункте 3 статьи 432 ГК РФ. Зачастую данную норму характеризуют как отдельный подвид эстоппеля².

Согласно пункту 3 статьи 432 ГК РФ сторона, которая приняла от другой стороны полное или частичное исполнение по договору, или иным образом подтвердила его действие, не вправе требовать признания этого договора незаключенным в том случае, если удовлетворение такого требования будет противно закону (в частности, будет противоречить принципу добросовестности).

Появление данной нормы также было обусловлено необходимостью создания эффективного инструментария по санации сделок. В первую очередь данное правило направлено на урегулирование споров, вытекающих из факта отсутствия в договорах каких-либо существенных условий, обязательных для конкретного вида сделки. В соответствии с пунктом 1 статьи 432 ГК РФ, договор считается заключенным, если между сторонами (при соблюдении требований закона) было достигнуто соглашение по всем существенным условиям. Ранее суды излишне прямо понимали правило пункта 1 статьи 432 ГК РФ, из-за чего споры, связанные с незаключенностью договоров, в которых недобросовестность действий одной из сторон была ярко выражена, разрешались в пользу такой стороны³.

Следует отметить, что идея о возможности признания договора заключенным в отсутствие существенного условия начала формироваться в судебной практике еще до внесения соответствующей нормы в ГК РФ⁴.

² См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2017). Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 15 ноября 2017 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2018. – № 11.

³ См.: Постановление Федерального Арбитражного суда Поволжского округа от 3 ноября 2011 г. № Ф06-9158/11 по делу № А57-15493/2010

⁴ См.: Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 8 февраля 2011 г. № 13970/10; Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2013 г. № 12444/12; Пункт 7 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 февраля 2014 г. № 165 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2014. – № 4.

¹ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Российской Федерации от 10 октября 2017 г. №38- КГ17-9. – URL: www.vsrif.ru

Весьма интересным в таком контексте является следующее дело: индивидуальный предприниматель обратился в арбитражный суд с иском к организации с требованием о взыскании стоимости выполненных работ и процентов, начисленных на данную сумму, вследствие просрочки (как утверждает истец, между сторонами был заключен договор подряда, а результат принятия выполненных работ подтвержден актом приемки)¹. Ответчик же сослался на незаключенность спорного договора ввиду отсутствия в нем существенного условия о сроках выполнения работ.

Суд первой инстанции занял формальную позицию и отклонил иск, сославшись на незаключенность договора (ст. 432, 708 ГК РФ), притом что факт надлежащего выполнения работ не оспаривался. Такое неоднозначное решение было отменено апелляционной инстанцией со ссылкой на статью 10 ГК РФ. Суд расценил действия ответчика как злоупотребление правом.

Особого внимания заслуживает решение кассационной инстанции по данному делу. Так, постановление суда апелляционной инстанции было оставлено в силе, но при этом было изменено основание. Суд квалифицировал спорную ситуацию следующим образом: между сторонами не был заключен договор (ст. 432, 708 ГК РФ); полученное заказчиком обогащение (подрядчик выполнил и сдал работу) следует расценивать в качестве неосновательного обогащения. То есть сбереженные на стороне заказчика средства должны быть выплачены подрядчику, в том числе проценты (ст. 395 ГК РФ). Зачем в таком случае было изменять основание удовлетворения иска подрядчика? Учитывая, что данный спор разрешался задолго до полноценного становления института добросовестности в российском праве, можно предположить, что судьи кассационной инстанции, рассматривавшие данное дело, не решились оставлять такое смелое апелляционное решение без изменения. Однако данное решение вряд ли можно назвать справедливым. И если в данном примере ущерб доверившейся стороне не столь очевиден, то следующее дело в полной мере вскрывает недостатки такого подхода.

¹ См.: Пункт 6 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 ноября 2008 г. № 127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2009. – № 2.

Данный спор отражен в пункте 7 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 25 февраля 2014 г. № 165². Согласно фабуле дела, работы были выполнены подрядчиком, приняты и оплачены заказчиком фактически в отсутствие достижения договоренностей по всем существенным условиям (при буквальном прочтении закона – без договора). Но впоследствии были выявлены недостатки выполненных работ и заказчик обратился в суд с требованиями к организации-контрагенту безвозмездно устранить недостатки выполненных работ, ссылаясь при этом на пункт 1 статьи 723 ГК РФ.

Решение суда первой инстанции ярко проиллюстрировало всю пагубность формального подхода к правилам о моменте заключения договора. В данном случае суд занял позицию, рассмотренную в прошлом примере, указав на неприменимость правил о договоре подряда, в частности, – на невозникновение права заказчика требовать безвозмездного устранения недостатков работ, ввиду отсутствия заключенного договора подряда. Соответственно, к сложившимся отношениям суд лишь применил правила о неосновательном обогащении.

Неудивительно, что истец обжаловал такое решение, и суд апелляционной инстанции удовлетворил заявленные требования. В данном решении была отражена идея, ценность которой очевидна: споры о заключенности договоров должны рассматриваться судами при всестороннем исследовании обстоятельств дела в их взаимосвязи, оставляя приоритет за сохранением, а не аннулированием обязательств. В этом случае суд постановил, что сдача результата работ лицом (подрядчиком), выполнившим их в отсутствие договора подряда, при одновременном принятии такого результата лицом, в чью пользу такие работы выполнены (заказчиком), свидетельствует о наличии заключенного соглашения, в рассматриваемом деле – договора подряда.

Следует отметить, что в приведенных делах ссылка на эстoppel и принцип добросовестности не губительна, однако явно избыточна, что подтверждает пункт 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49:

² См.: Пункт 7 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 февраля 2014 г. № 165 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2014. – № 4.

«...договор считается заключенным и в том случае, когда из поведения сторон явствует их воля на заключение договора (п. 2 ст. 158, п. 3 ст. 432 ГК РФ)»¹.

Усложняя приведенные примеры, представим, что отношения сторон после подписания договора не позволяют установить наличие воли по согласованию (в том числе конклюдентными действиями) существенных условий, отсутствие которых, согласно закону, влечет незаключенность. Тогда, в период времени до полного исполнения договора (принятия исполнения), одна из сторон вполне может изменить свое мнение по поводу значимости конкретных отношений и попытаться снять с себя обязательства, сославшись на отсутствие согласованных существенных условий и, как следствие, – на незаключенность договора. В таком случае, если будет подтверждено наличие оснований для применения эстоппеля, суд полномочен не только заблокировать ссылку на незаключенность, но и исполнить условие, по которому стороны не пришли к договоренности (п. 5 ст. 429 ГК РФ), сохранив/признав договорные отношения сторон [8. – С. 574].

Таким образом, пункт 3 статьи 432 ГК РФ предоставляет правопорядку гибкий механизм по признанию фактически заключенными тех договоров, незаключенность которых навредит обороту сильнее, чем политико-правовым идеям, лежащим в основе требований законодателя к достижению договоренности по тем или иным существенным условиям. При этом повсеместное применение пункта 3 статьи 432 ГК РФ без оценки существенности ущерба интересам доверившейся стороны приведет к признанию «токсичных» правоотношений, в продолжении которых стороны в действительности не заинтересованы.

Проанализировав пункт 3 статьи 432 ГК РФ, можно заключить, что данная норма появилась в ответ на сложившуюся негативную тенденцию предъявления требований о признании договоров незаключенными недобросовестными сторонами, действия которых недвусмысленно свидетельствовали о существовании спорных договорных отношений. Как было отмечено, исследуемая норма, а точнее – идея, лежащая в ее осно-

ве, не является новеллой российского законодательства, а суды и ранее могли справедливо решать дела, связанные с недобросовестными требованиями о признании договоров незаключенными. Между тем пункт 3 статьи 432 ГК РФ привнес некоторую долю конкретики, тесно связав исследуемое правило с принципом добросовестности. Это в последующем пресекало сложившуюся судебную практику по применению норм о неосновательном обогащении без учета интересов добросовестной стороны, рассчитывавшей на полный пакет прав, предусмотренных конкретным договором.

Возвращаясь к теме применения эстоппеля, закрепленного в пункте 5 статьи 166 ГК РФ, рассмотрим проблему возможности конвалидации противозаконных сделок.

В литературе нередко высказывается точка зрения, согласно которой поверхностное понимание института исцеления сделок в отрыве от принципа добросовестности может предоставить недобросовестным участникам оборота возможность заключать любые сделки, противоречащие закону. Так, применение эстоппеля к ничтожным сделкам вполне может стать тем ящиком Пандоры, который откроет мошенникам возможность обходить нормы права, закрепляющие ничтожность сделок при тех или иных пороках при помощи ссылки на факт исполнения обязательств по договору [8. – С. 409].

Между тем пункт 70 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», прямо закрепляет, что заявление о недействительности (ничтожности, оспоримости) сделки, выраженное в любой форме, не имеет правового значения, когда ссылающееся на недействительность лицо действует недобросовестно.

Данную проблему предвидели авторы уже названной Концепции от 7 октября 2009 г. Так, говоря о возможности конвалидации ничтожных сделок, авторы уделяют особое внимание необходимости установления оптимального баланса между стремлением к исцелению ничтожных сделок в целях защиты интересов добросовестных участников гражданского оборота и недопустимостью конвалидации наиболее социально

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Российская газета. – 2019. – № 4.

опасных сделок, грубо нарушающих закон (п. 5.1.4 Концепции)¹.

Вместе с тем самым ярким примером исследуемой проблемы являются судебные споры, связанные со страхованием договорной ответственности. Как известно, пункт 1 статьи 932 ГК РФ устанавливает, что не может быть застрахован любой риск ответственности за нарушение договора, кроме случаев, прямо предусмотренных законом. При этом в судебной практике встречаются споры, связанные со страхованием договорной ответственности, в которых суды удовлетворяют требования страхователей, вытекающие из ничтожных договоров страхования.

Подобный кейс был рассмотрен Президиумом ВАС РФ в Постановлении от 13 апреля 2010 г. № 16996/09. Согласно факту, страховая компания заключила (на заранее подготовленных ею же условиях) договор страхования с экспедитором. Договор предусматривал страхование риска ответственности экспедитора. Выгодоприобретателями являлись клиенты организации-страхователя, а также иные юридические и физические лица, жизни, здоровью и имуществу которых страхователем причинен ущерб в процессе осуществления застрахованной деятельности.

Как отражено в материалах дела, груз был украден неустановленными лицами, и страхователь, расценив данную ситуацию в качестве наступления страхового случая, обратился к страховой организации за выплатой возмещения. Страховщик в суде ссылался на ничтожность данного договора, ввиду отсутствия прямого указания в российских законах на возможность страхования ответственности экспедитора.

Стоит заметить, что суд апелляционной инстанции согласился со страховой компанией и отказал страхователю в выплате возмещения, констатировав ничтожность спорных правоотношений в силу статьи 168 и пункта 1 статьи 932 ГК РФ. Однако Президиум ВАС не согласился с данным подходом, *de facto* признав требования, вытекающие из недействительного договора, законными и подлежащими удовлетворению. В обоснование своей позиции Президиум определил следующее: 1) спорный договор был составлен страховой ор-

ганизацией в соответствии с утвержденными ею же Правилами страхования ответственности экспедитора, которые являются общими для всех лиц. Соответственно, предложение подобных условий договоров является распространенной практикой данной страховой компании, которая в силу принципа добросовестности и повышенных требований к страховщикам, должна осознавать правовые последствия данных договоров; 2) заявив, что спорные условия договора являются ничтожными, страховщик нарушил тем самым пределы осуществления гражданских прав, установленных статьей 10 ГК РФ.

Данное Постановление ценно и тем, что показывает, как наиболее квалифицированные отечественные правоведы и судьи еще до введения эстоппеля, предусмотренного статьей 166 ГК РФ, интуитивно приходили к справедливым решениям. При этом некоторые исследователи обычно ссылаются на данное и схожие дела в своих работах, указывая на возможность разрешения таких споров при помощи инструментария, предложенного статьей 10 ГК РФ [8. – С. 414]. Однако авторы не могут полностью согласиться с данной точкой зрения, хотя бы потому, что эстоппель является частным случаем принципа добросовестности и запрета злоупотребления правом. Так, суды, ссылаясь на статью 166 ГК РФ, наравне со статьей 10 ГК РФ применяют специальную, а не общую норму.

В Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 20 июля 2015 г. № 307-ЭС15-1642 по делу № А21-10221/2013 была высказана аналогичная позиция². Судом было установлено, что спорный договор страхования действительно предусматривал страхование ответственности перевозчика, что противоречило п. 1 ст. 932 ГК РФ, однако данный факт не может стать основанием для освобождения страховщика от выплаты страхового возмещения.

Важно отметить, что при ссылке на пункт 5 статьи 166 ГК РФ ни о какой конвалидации ничтожного договора страхования суд не упоминает, ограничиваясь достаточно скудной формули-

¹ См.: Пункт 5.1.4 Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации от 7 октября 2009 г. // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2009. – № 11.

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 20 июля 2015 г. № 307-ЭС15-1642 по делу № А21-10221/2013. – URL: www.vsrif.ru

ровкой о правиле «недопустимости освобождения от исполнения договорных обязательств».

Суды в подобных делах обходят стороной вопрос о том, что происходит с ничтожным договором. Наделяется ли он юридической силой в силу судебного решения или остается недействительным при одновременном блокировании любых требований недобросовестной стороны? Представляется, что ни суды, ни отечественная доктрина еще не готовы дать однозначный ответ на данный вопрос. Именно поэтому правоприменителю приходится прибегать к достаточно расплывчатым формулировкам о сохранении обязательств из ничтожных договоров, запрете недобросовестных ссылок о недействительности и т. д.

Представляется, что сама проблема конвализации ничтожных сделок обусловлена столкновением человеческих идеальных моделей справедливости и воззрений о социальных функциях права с реальностью и позитивистским подходом к прочтению и применению законов.

Таким образом, говоря об эстоппеле в контексте ничтожных сделок, где обе стороны осознают порочность таких правоотношений, нельзя утверждать о существовании единственно верного подхода, хотя бы потому, что приведенная в данной работе практика свидетельствует о наличии глубокой проблемы не только в формулировке пункта 5 статьи 166 ГК РФ, но и в понимании судами целей внедрения данной нормы.

Безусловно, закрепление общего правила о конвализации ничтожных договоров при условии их исполнения сторонами предоставляет возможность обходить любой законодательный запрет, обуславливающий тот или иной состав ничтожности, что ни при каких условиях не могло являться целью введения исследуемой нормы. Поэтому вполне разумным представляется подход к пониманию пункта 5 статьи 166 ГК РФ как крайней меры, применяемой судом в целях предотвращения невыносимой несправедливости при одновременном отсутствии оснований для использования общих правил о сделках при достижении аналогичного результата.

В таком случае исключением из общего правила о невозможности конвализации ничтожных сделок станут следующие ситуации.

Как уже было отмечено ранее, порок формы сделки, восполненный действиями сторон, свидетельствующими о признании договора в качестве действительного, не должен пониматься судами как безусловное основание для констатации ни-

чтожности договора и применении правил о неосновательном обогащении или реституции. В противном случае недобросовестные участники оборота, пользуясь формальным правом заявить о ничтожности, могли бы освобождать себя от любых обязательств по договору с пороком формы.

Более того, к ситуациям, где обе стороны осознают порок формы, но действуют, как если бы договор был заключен в надлежащей форме, может быть применен эстоппель, если одна из сторон захочет извлечь выгоду из своего непоследовательного поведения в ущерб другой стороне. В таком случае, несмотря на то что обе стороны в какой-то мере недобросовестны, закон не должен допускать еще большую недобросовестность.

Другой, более широкий срез ничтожных сделок, которые теоретически возможно конвализировать без ущерба для стабильности оборота, – сделки, не посягающие на публичные интересы и не затрагивающие права третьих лиц. Аргументация здесь аналогична первой группе сделок с пороком формы: если стороны выразили свою волю на заключение конкретного договора, пусть и с пороком, закон должен уважать такой выбор и не нарушать принцип автономии воли. А когда одна из сторон решит воспользоваться порочностью сделки в целях освобождения себя от ответственности, то при установлении необходимых условий (в частности, обоснованности доверия другой стороны), суд должен будет защитить доверившееся лицо от недобросовестных действий контрагента. Однако, как уже было отмечено, такой подход должен являться исключительной мерой защиты участников оборота, сложившееся доверие которых в конкретных условиях, может быть признано извинительным, вмененным недобросовестной стороне и, как следствие, подлежать защите.

Стоит также отметить, что вопрос о возможности конвализации сделок из последней группы может быть решен без особых затруднений, если учесть, что сделки, противоречащие закону, но при этом не посягающие на публичный интерес (по общему правилу), являются оспоримыми. И как было уже сказано, возможность признания оспоримых сделок не создает серьезных теоретических противоречий, а потому не требует глубокой проработки.

В данной работе мы сконцентрировались на исследовании именно конвализации недействительных (ничтожных) сделок, так как данная проблема обусловлена не только комплексностью

механизма исцеления сделок, но и некоторыми особенностями российского законодательства. Пробелы в доктрине недействительности сделок влекут за собой целую цепочку проблем, создающих серьезные противоречия, не позволяющие на данном этапе обосновать возможность внедрения общего правила о конвалидации ничтожных сделок. Вместе с тем совокупная выгода для всего оборота при признании возможности исцеления ничтожных сделок (порочность, которых не обусловлена ущербом публичным интересам и правам третьих лиц) превалирует над потенциальным негативным эффектом при отступлении от классической теории недействительных сделок. Более того, дальнейшее развитие института запрета противоречивого поведения (принципа эстоппель) в системной взаимосвязи с нормами, предусматривающими возможность исцеления

недействительных сделок, а также совершенствование системы факторов, необходимых для применения эстоппеля, позволит предотвратить случаи конвалидации недействительных сделок, противных закону.

Между тем весьма маловероятно, что в ближайшее время институт недействительности сделок будет реформирован только в целях создания теоретической базы для обоснования возможности конвалидации ничтожных сделок. По этой причине наиболее приемлемым подходом к пониманию судьбы конвалидируемой ничтожной сделки является принятие существования некой фикции действительности сделки, ориентируясь на которую, суд выносит решение, игнорируя при этом соответствующие недобросовестные ссылки.

Список литературы

1. *Анненков К. Н.* Система русского гражданского права. – Т. I. Введение и общая часть. – 2-е изд., пересм. и доп. – СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1899. – VIII.
2. *Бурибаев Т. Н., Гачина А. А.* Эстоппель как специальный механизм защиты доверия // *Образование и право.* – 2020. – № 3. – С. 183–191.
3. *Гражданское уложение.* – Кн. 1. Положения общие. Проект Высочайше Учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского Уложения (с объяснениями, извлеченными из трудов Редакционной комиссии) / под ред. И. М. Тютрюмова ; сост. А. Л. Саатчиан. – М. : ВолтерсКлувер, 2007.
4. *Коблов А. С.* Правило эстоппель в российском праве: проблемы и перспективы развития // *Закон.* – 2012. – № 5. – С. 212–219.
5. *Мейер Д. И.* Русское гражданское право : в 2 ч. По испр. и доп. 8-му изд., 1902. – 3-е изд., испр. – М. : Статут, 2003.
6. *Мельник С. В., Мальбин Д. А.* Эстоппель в гражданском кодексе Российской Федерации // *Юрист-Правоведъ.* – 2017. – № 4 (83). – С. 147–151.
7. *Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1-16.1 ГК РФ / отв. ред. А. Г. Карапетова.* – М. : Статут, 2020.
8. *Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 ГК РФ / под ред. А. Г. Карапетова.* – М. : Статут, 2018.
9. *Тузев Д. О.* Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. – М. : Статут.
10. *Федоров Д. В.* Проблемы квалификации и случаи применения пункта 5 статьи 450.1 ГК РФ // *Закон.* – 2019. – № 8. – С. 63–74.
11. *Эртманн П.* Основы учения о видимости права // *Вестник гражданского права.* – 2011. – № 4. – С. 273–305.
12. *Cartwright J.* Protecting Legitimate Expectations and Estoppel in English Law // *Electronic Journal of Comparative Law.* – 2006. – Vol. 10.3.